

СУБКУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС АБРЕКОВ У ОСЕТИН

А.Б. Багаев

В прошлом мужские субкультурные общности со своими социальными установками и мировоззренческими ценностями играли значительную роль в жизни традиционного социума, оказывая на него существенное воздействие. В определенной степени картина мира, специфика мышления и образ жизни современного мужского населения отражает ценностные установки предшествующих поколений, восходящие к мужским субкультурам традиционного общества. Вследствие этого для адекватного понимания форм общественного сознания и путей развития современного общества весьма актуально комплексное исследование ныне исчезнувших мужских субкультур. В предлагаемой статье рассматривается субкультура осетинских абреков. Научная новизна определяется тем, что данная статья является первым исследованием субкультурного комплекса абреков на осетинском материале. В исследовании использовались данные письменных источников, этнографический материал и фольклорные тексты. Выявлены и проанализированы основные элементы осетинской абреческой субкультуры; обозначены основные причины ухода осетина в абреки; определены существовавшие в традиционном осетинском обществе категории абреков; установлена оптимальная численность членов в абреческой группе; рассмотрены характерные особенности традиционного комплекса одежды и внешнего облика абрека; проанализировано значение верхового коня и оружия в субкультурном комплексе абреков; показана социальная роль бражничества; определены мировоззренческие установки и стереотипные модели поведения абрека в разных ситуациях; установлена тесная связь между субкультурным комплексом абреков и традиционной военной культурой. Сделан вывод о близости осетинской абреческой субкультуры в воинской культурой эпохи развитой военной демократии.

Ключевые слова: мужская субкультура, абреческий субкультурный комплекс, абреческая субкультура, осетин, оружие, конь, бражничество.

Субкультура абреков является одним из видов мужской субкультуры, бытовавшей в традиционном осетинском обществе. Она имеет определенные связи с другими, характерными для осетинского общества, субкультурами, но отличается особенностями, обусловленными образом жизни абреков.

Проблема абречества всегда привлекала к себе исследовательское внимание, что обусловило появление обширной историографии. Основная часть имеющейся литературы отличается публицистическим или художественно-публицистическим характером, научных же исследований по данной проблеме намного меньше. Среди научных исследований выделим две с одинаковым названием

«Абреки на Кавказе»: это монографические исследования Ю.М. Ботякова и Ю.В. Хоруева.

Ю.М. Ботяков на основе широкого круга источников проанализировал внешний облик и внутренний мир абрека. В его работе рассмотрен широкий круг проблем, в том числе этническое своеобразие этикета, формы противостояния абреков и общества, внутриобщинные и межобщинные противоречия в разных районах Кавказа. Особое внимание в работе уделено созданию культурно-психологического портрета абрека [1].

В исследовании Ю.В. Хоруева абречество рассмотрено как историческое социальное явление. Опираясь на архивный материал и письменные источники,

автор на примере судеб наиболее известных кавказских абреков дает свое объяснение феномену абречества. Исследование имеет научно-публицистический характер [2].

В данной статье мы рассмотрим абреческий субкультурный комплекс на осетинском материале.

В исследовании рассматриваемой проблемы важным является определение причин ухода в абреки. Причин, по которым осетин становился абреком, довольно много, но все их можно сгруппировать в две категории. В первом случае человек становился абреком по принуждению общества. Согласно традиционным представлениям, лицо, нарушившее основополагающие нормы общества, подвергалось остракизму. Процедура изгнания нарушителя носила характер ритуальной церемонии и проводилась в священном для общества месте. Туда приводили связанного виновника, и *дзуарылаг* (жрец) проводил соответствующий обряд. После этого его отводили в отчий дом. Там отец или другой старший мужчина семьи давал ему оружие, верхового коня и с проклятием выгонял из дома. С этого времени изгнанный из общины считался абреком [3, 2].

Во втором случае уход в абреки в значительной степени был личным выбором человека. Таких абреков было значительно больше. Именно из этой среды происходили многие известные абреки, воспринимавшиеся как народные мстители.

Часто причиной ухода в абреки был конфликт, связанный с происхождением. В традиционном осетинском обществе сыновья от неравного брака часто становилось объектом насмешек и издевательств со стороны «старших» (во внутрисемейной иерархии) братьев, т.е. рожденных в равном браке. Постепенно конфликт переходил в вооруженное столкновение, и потомство от неравного брака вынуждено было уходить в абреки [4; 5, 28; 6, 222].

После вхождения Осетии в состав Российской империи ряды абреков постоянно пополнялись лицами, вступившими в конфликт с государством [6, 266, 290].

В сложных природных и социальных условиях абрек вступал в борьбу за жизнь. Постепенно скитальческая обыденность наполняла жизнь абрека, регламентировала его быт и поведение, определяла жизненную стратегию.

Образ жизни абреков был чрезвычайно опасным, он требовал от человека большой выносливости, мужества и решительности. Поэтому в народных представлениях абрек – человек активный и довольно опасный, всегда при оружии.

Одним из личных качеств, высоко цитировавшихся среди абреков, была способность не обнаруживать волнения, сохранять спокойствие, самообладание и выдержку при любых обстоятельствах. Хладнокровие часто спасало жизнь, казалось бы, в самой безвыходной ситуации. Так, в фольклорных текстах встречаются эпизоды, когда абрек, окруженный со всех сторон казаками, благодаря своему хладнокровию, невредимым выходит из окруженного селения [7, 20; 6, 306].

После определенного периода скитаний в одиночестве абреки могли объединяться в группы по два-три, а иногда и более человек. Как правило, абреки собирались в небольшие группы от трех до пяти человек [8, 423; 4, 7; 6, 289]. В редких случаях абреки составляли и более крупные объединения. Так, группа известного в Закавказье абрека Илико Пухаты насчитывала 10-15 человек [9, 2]. Еще более многочисленной была группа известного абрека Бекби – она состояла из 30 человек [10, 40].

Группа абреков всегда была упорядочена и хорошо организована [9, 2]. Все абреки должны были подчиняться порядку, который обычно устанавливал основатель группы. Каждый обязан был

соблюдать существовавшую систему правил. Как правило, абреки без своего предводителя на дело не ходили. Так, группа известного абрека Вардана Хетагаты ждала своего жоака, пока он занимался лечением отмороженных после побега из ссылки ног [11, 2].

Вследствие особенностей образа жизни абреку довольно часто приходилось перемещаться в пределах своего района. Поэтому в абреческом субкультурном комплексе значимое место занимает верховой конь, обеспечивающий высокую мобильность. Лошадь абрека с хорошей сбруей и удобным седлом, всегда подкованная, готова была преодолеть значительные расстояния [8, 426]. Для того, чтобы быстро совершать большие переходы на расстояние 70-100 км, абрек брал собой запасного коня. В абреческой субкультуре осетин высоко ценилось умение обращаться с лошастью. Как правило, абрек являлся лихим джигитом. Чем искуснее он был в верховой езде, тем больше была вероятность спасения от погони.

Во время передвижения группой по три и более человек один из абреков обязательно двигался впереди остальных на расстоянии 100-200 м. Такой способ движения предохранял всю группу от засад и прочих неожиданностей в дороге [8, 435].

В абреческом субкультурном комплексе первостепенное место отводилось оружию. Оружие было гарантом свободы, достатка и жизни. Как правило, абреки со своим оружием не расставались ни днем, ни ночью. Они всегда были готовы принять бой и поэтому держали свое оружие наготове [8, 430]. В источниках абрек всегда описывается как хорошо вооруженный человек. Большое значение имело и качество оружия. Абрек всегда стремился к тому, чтобы приобрести самое современное и надежное оружие. Так, известный абрек Сандро Хуыбылты в своем арсенале «имел разные револьверы, двустволки и берданки» [8, 437] – но-

вые для того времени скорострельные виды огнестрельного оружия. В газетной публикации о вооружении группы абреков во главе с Илико Пухаты сообщается: «Вся шайка прекрасно вооружена дальнобойными и скорострельными ружьями» [9, 2]. Умение ловко обращаться с оружием, метко стрелять и виртуозно рубиться признавалось одним из главных достоинств в субкультуре абреков.

При изучении абреческой культуры осетин необходимо остановиться и на вопросе о комплексе одежды абрека. Он имел не только утилитарное назначение, но и был в определенной мере показателем статуса. Это не означает, что они носили какую-то униформу, хотя надо отметить, что в абреческой субкультуре Кавказа и такое встречалось. Так, созданная знаменитым абреком Ших-Заде многочисленная абреческая группа, действовавшая на побережье Каспийского моря, выделялась особой формой одежды. Она позволяла абрекам, входившим в группу, легко узнавать друг друга. Характерными элементами в их костюме была короткая черкеска, которую в конце XIX в. носили казаки пеших частей. Она была с погонами из кованного серебра, а борта и полы были украшены позументом. Головы абреков покрывала небольшая черная чеченская папаха, украшенная галуном. Через плечо на серебряной ленте абреки носили казачьи натруски. Помимо членов группы Ших-Заде носить эту своеобразную униформу никто не имел права, и абреки внимательно следили, чтобы их «униформу» не носил никто из посторонних. Нарушителей ожидало строгое наказание, на первый раз их просто пороли, в случае рецидива – убивали [2, 195].

У осетинских абреков какой-либо особой «униформы» не было. Как правило, они носили традиционный осетинский комплекс одежды, оптимально отвечавший требованиям военно-походной жизни. Однако их несложно было

идентифицировать. В источниках отмечается, что они предпочитали и имели возможность хорошо и богато одеваться, особенно в тех случаях, когда они появлялись в обществе. Так, в легенде об известном в Закавказье абреке Сала Гаглойти говорится, что, отправляясь во дворец ксанского эристава, он был одет богаче и красивее, чем любой князь. Абрек беспрепятственно прошел к ксанскому эриставу во дворец, так как челядь и стража эристава восприняли его как равного их господину князя [12, 195].

О костюме осетинских абреков есть сообщения и в письменных источниках. Так, ксанский пристав кн. К.Р. Шаликов в своем докладе от 7 августа 1891 г. так описывает костюм абреков: «...за спиной они имели ружье Пибоди (Айнали), по два револьвера, от которых кисти на шнуре болтались на плечах, шапки из черных барашков с белым суконным верхом. На груди с обеих сторон патронташи с большим количеством патронов, черкески, в серебре пояса, кинжалы и шашки. Они были одеты в черкески почти одного цвета, двое – в более темно-серых, а третий – также в сером, но более светлом, из азиатского шерстяного сукна, на ногах их были надеты кожаные ноговицы и азиатские чусты» [8, 426].

Трансформации, происходившие в осетинском обществе на рубеже XIX-XX вв., нашли отражение и в абреческой субкультуре. В первую очередь это касается оружия и одежды. В конце XIX в. абреки имели возможность менять костюм. В особенности это происходило в среде абреков, промышлявших в районах, близких к городам. К примеру, Сандро Хуыбылты, имевший возможность беспрепятственно проникать в Тифлис, часто носил грузинскую чоху, «которую носят грузинские князья и дворяне, всю отороченную золотым шнуром» [8, 437]. В том же источнике сообщается, что односельчане часто его видели и «в штатском пла-

тье, в круглой шляпе и с тростью в руках» [8, 437].

Особое место в костюме абреков занимала бурка. Для человека, вынужденного вести скитальческую жизнь, она была необходимым элементом костюма. Как известно, бурка была многофункциональным видом одежды. Она защищала от любой непогоды, от дождя, от снега, от ветра, от палящих лучей солнца. Кроме того, бурка в определенной мере предохраняла от рубяще-режущих ударов клинкового оружия. В период бытования кремневого оружия в некоторых случаях она могла спасти и от пули.

При описании внешнего вида абреков часто сообщается о том, что они носили бороду. Надо отметить, что это не безобразная разбойничья борода, а ухоженная и опрятная бородка. Так, ксанский пристав кн. К.Р. Шаликов, описывая внешний вид абреков, отмечает: «Все они имели темные бороды, подстриженные, и усы» [8, 426]. В другом источнике при описании внешних данных Нони Чыбырты – абрека, бежавшего из-под ареста, – отмечается, что он «имеет небольшую бороду» [8, 391].

Особое место в абреческой субкультуре отводилось территории обитания. Как известно, абрек (или группа абреков) жил отдельно и скрытно от общества. В условиях Осетии абреки уходили в горы или горные леса, где и находилось их временное жилище. Если горы безлесные, то абреки обживали пещеру, если имелся лес или высокий кустарник, то оборудовали шалаш. В письменных источниках часто упоминается стоянка разбойников [8, 431].

Нередко одинокие абреки находили приют у табунщиков или пастухов. Они делились с ними хлебом и солью, а абреки оказывали им вооруженную помощь в случае нападения на них или их стада [13, 4]. Традиционное осетинское гостеприимство предусматривало предоставление

приюта любому путнику, даже если это был абрек. Как известно, на Кавказе в целом и в Осетии в частности гость всегда являлся лицом неприкосновенным. В абреческой субкультуре законы гостеприимства также строго соблюдались [10, 40-41]. Открыто в населенные пункты абреки заходили редко. Если при необходимости они располагались у кого-то в селении, то для этого выбирали дом, расположенный на окраине или у дороги [8, 430].

В XIX в., в особенности в последней трети, абреки для удовлетворения своих нужд могли проникать в близлежащие города. Перед отправкой в город своих лошадей, оружие и другие вещи они оставляли в укромном месте под охраной кого-нибудь из группы или же человека, которому доверяли [8, 428].

Военное предпринимательство играло в абреческом субкультурном комплексе первостепенную роль. Средства к существованию абрек добывал посредством набегов, налетов, грабежа, угона скота, пленения состоятельных лиц с последующим требованием выкупа, взятием дани. В силу объективных причин обозначенный вид деятельности становился для абрека основной сферой приложения усилий для удовлетворения своих жизненных потребностей.

Обычно абреки, прибыв в определенную местность, начинали собирать сведения о материальном благосостоянии лиц, которых планировали ограбить. Объектом интереса абреков являлись князья, купцы и вообще состоятельные люди. Собрав необходимую информацию, абреки подсылали к жертве кого-нибудь или посылали записку с предупреждением о приготовлении дани. Таким образом они предупредили жителя с. Горга старца Б., и через две недели прибыли за данью. Расположившись недалеко в горах, они послали к Б. его племянника К., который вместе с другими родственниками Б. принес в ставку абреков 300 р. [8,

395]. Обычно жертву грабили или облагали данью, но особо жадных и жестоких убивали [12, 225]. Из крестьян абреки в первую очередь грабили, разоряли и убивали тех, кто словом или делом им противодействовал. О них абреки узнавали от своих агентов – людей, которые им сочувствовали [8, 406-407]. В случае сопротивления во время ограбления абреки могли убить или нанести ранения. Так, в одной из газетных публикаций сообщается, что во время ограбления священника Кванчхадзе абреки нанесли ему ранение «кинжалом в левое ухо, руку и ногу выше голени» [9, 2].

Как правило, нападение происходило в ночное время. Во время ограбления абрек закрывал свое лицо башлыком [14, 3].

Абреки распускали о себе и своих деяниях разные слухи, часто самые невероятные, чтобы посеять среди своих врагов и в недружественных обществах страх и панику. В особенности панике подвержены были невооруженные или плохо вооруженные сельские жители. Те из них, кто воочию видел абреков, не мог не заметить, что они вооружены «до зубов». В источниках есть свидетельства об этом. Так, некоторые из наиболее впечатлительных обывателей уверяли, что «ружья разбойников стреляют сами по себе без помощи человеческих рук» [8, 409].

В субкультуре абреков существовали свои нормы морали и поведения в разных обстоятельствах. Произвольное нарушение и отступление от неписаного свода вело как правило к утрате уважения среди других абреков. Все знаменитые абреки неукоснительно следовали нормам этого кодекса. Лихо напасть, захватить добычу и при этом невредимым уйти от погони у абреков считалось большим достоинством. Умение проникнуть в жилище врага, взять трофей и ловко скрыться признавалось в абреческой субкультуре доблестью. В осетинских фольклорных текстах есть свидетельство о том, как от-

важный абрек из леса идет в дом своего врага. Например, в результате дерзкой вылазки известный абрек Сала Гаглойти, разодетый словно князь, представившись именем другого человека, проник в дом своего врага – ксанского эристава. Лихой абрек пообедал с ним, получил из его рук провиант в дорогу, боеприпасы и деньги. После этого эристав лично проводил его до ворот, попрощался с ним, и абрек спокойно уехал в свое убежище в лесу [12, 227]. Своей дерзкой вылазкой он преподнес урок своему врагу и еще больше прославил свое имя.

В абреческой субкультуре осетин грабить под чужим именем считалось делом предосудительным. Случалось и так, что это правило нарушалось – обычно трусливыми и ничтожными личностями. В соответствии с неписанным кодексом абрек, под чьим именем промышляли другие лица, должен был разыскать и сурово наказать самозванцев [6, 302-303].

Согласно субкультурным нормам осетинских абреков за оскорбления и обиды нужно было мстить, иначе это считалось проявлением слабости. Месть должна была быть осуществлена не украдкой и втихомолку, а открыто, чтобы об этом узнали все. По представлениям абреков лучшим местом для мщения считалась дорога. Данное представление проистекает из того, что в прошлом всякий мужчина, отправлявшийся в путь, был вооружен и находился в состоянии полной боевой готовности. Тот, кто не отомстил за обиду во время личной встречи с врагом в пути или другом открытом месте, считался презренным трусом, недостойным смерти от оружия [4, 7; 15, 20].

Важным компонентом абреческого субкультурного комплекса было бражничество. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и фольклорные тексты. В газетной публикации о группе абреков во главе с Иликьо Пухаты говорится, что деятельность ее «вначале

проявлялась лишь в требовании денег у имущего класса и в кутежах: она кейфовала чуть ли не во всех деревнях, где только представлялась возможность» [9, 2]. Данное сообщение прямо указывает на то, что свое свободное время абрек проводил в бражничестве. Вероятно, истоки совместных веселых пиров после удачного набега своими корнями уходят в глубину веков. В традиционных представлениях осетин совместная трапеза была приравнена к некоему социально значимому действию [16, 105].

В кутежах участвовали не только абреки, но и приглашенные ими лица, в том числе и первые встречные. Так, в одной из докладных записок ксанского эристава сообщается: «Прибыв к двум духанам (около 7 часов вечера), разбойники привязали лошадей, расставили посты... потребовали сена, вина и закуски; сами мало пили, но заставляли народ пить. Задерживали около духанов всех едущих и идущих и, таким образом, собралось около 30 человек» [8, 431]. За угощение абреки расплатились деньгами и после совместной трапезы уехали в свой лагерь. Возможно, совместный пир проводился как демонстрация щедрости и широты души, а также своеобразное свидетельство обольстительности свободы и беспечной жизни абреков. Кроме того, известно, что совместная трапеза в традиционном обществе является выражением воинской солидарности и взаимовыручки [16, 99]. Показательно в этом плане то, что за свой стол абреки никогда не приглашали подозреваемых в соглядатайстве и доносах. Осетины, по сообщению М.М. Ковалевского, презираемого всеми члена общества наказывают тем, что «сидеть с ним за одним столом или пить с ним из одной чашки никто не согласится» [17, 125].

Абреческая субкультура осетин предполагала суровое наказание для предателя. В XIX в. смерть от пули счи-

талась для абрека наиболее достойной. Предатель (мангард) не удостоивался этой чести, он подвергался казни посредством отсечения головы. Тело его оставляли захороненным, более того, его бросали на съедение падальщикам [12, 225]. Абрек-предатель уничтожался не только физически, но и ритуально. Согласно религиозным представлениям осетин, отказ в погребении и осквернение трупа лишали убитого возможности попасть в загробный мир. Такое отношение к телу предателя восходит к архаичным воинским традициям.

Таким образом, за многие века в среде абреков сформировалась своеобраз-

ная субкультура, отражавшая основные особенности их быта и скитальческой жизни. Многие элементы абреческого субкультурного комплекса тесно связаны с походным образом жизни и военным предпринимательством. У осетин абрек не был разбойником в классическом понимании, он скорее являлся воином, в силу обстоятельств вынужденный скитаться и жить грабежом и разбоем. В социальном плане абрек от всех остальных людей отличался тем, что он лишался права проживать в своем доме. Во многом субкультура абреков у осетин восходила к воинской культуре развитой военной демократии.

1. Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 208 с.
2. Хорув Ю.В. Абреки на Кавказе. Владикавказ: Олимп, 2011. 512 с.
3. Новое обозрение. 1891. № 2619.
4. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 101.
5. Как стал абреком Асланбег сын Бата // Мах дуг. 1941. № 1. С. 28-31.
6. Осетинские народные сказки / Сост. А.Х. Бязров. Цхинвали, 1962. Т. III. 362 с.
7. НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 143.
8. История Юго-Осетии в документах и материалах (1864-1900). Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1961. Т. III. 821с.
9. Тифлисский листок. 1897. № 147.
10. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. С. 27-70.
11. Тифлисский листок. 1891. № 140.
12. Осетинские легенды. Орджоникидзе: Ир, 1989. 498 с.
13. НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. П. 13.
14. Тифлисский листок. 1889. № 23.
15. НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. П. 5.
16. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 441 с.
17. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. В 2-х т. М.: Тип. В. Гацук, 1886. 756 с.

Bagaev, Alan B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); alon.baga@mail.ru

SUBCULTURAL ABREKS COMPLEX AMONG OSSETIANS.

Keywords: male subculture, subcultural complex of abrek, abrek subculture, Ossetians, weapon, horse, junket.

In the past, male subcultural communities with their social attitudes and worldview values played a significant role in the life of traditional society, having a noticeable impact on it. To a certain extent, the picture of the world, the specifics of thinking and the way of life of the modern male population reflect the values of previous generations, dating back to the male subcultures of traditional society. In this regard, a comprehensive study of the now disappeared male subcultures is very important for an adequate understanding of the forms of social consciousness and the ways of development of modern society. The proposed article discusses the subculture of the Ossetian abreks. Scientific novelty is determined by the fact that this article is the first study of the abrek subcultural complex on Ossetian material. The study used data from written sources, ethnographic material and folklore texts. The main elements of the Ossetian abrek subculture were identified and analyzed; the main reasons for the departure of Ossetians to abreks were indicated; the categories of abreks that existed in the traditional Ossetian society were determined; the optimal number of members in the abrek group was established; the characteristic features of the traditional complex of clothing and the appearance of the abrek were considered; the significance of a riding horse and weapons in the abrek subcultural complex was analyzed; the social role of junket was shown; the ideological attitudes and stereotyped models of behavior of the abreks in different situations were determined; a close relationship was established between the subcultural complex of abreks and traditional military culture. The conclusion was made about the closeness of the Ossetian abrek subculture with the military culture of the era of developed military democracy.

References

1. Botyakov, Yu.M. *Abreki na Kavkaze: sotsiokul'turnyi aspekt yavleniya* [Abreks in the Caucasus: sociocultural aspect of the phenomenon]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. 208 p.
2. Khoruev, Yu.V. *Abreki na Kavkaze* [Abreks in the Caucasus]. Vladikavkaz, Olimp, 2011. 512 p.
3. *Novoe obozrenie* [New Review]. 1891, no. 2619.
4. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 19. Inventory 1. Case 101.
5. *Kak stal abrekom Aslanbeg syn Bata* [How Aslanbeg, the son of Bat, became an abrek]. *Makh dug* [New era]. 1941, no. 1, pp. 28-31.
6. Byazrov, A.Kh. (comp.). *Osetinskie narodnye skazki* [Ossetian folk tales]. Tskhinvali, 1962, vol. III. 362 p.
7. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 19. Inventory 1. Case 143.
8. *Istoriya Yugo-Osetii v dokumentakh i materialakh (1864-1900)* [History of South Ossetia by documents and materials (1864-1900)]. Tskhinvali, Gosizdat Yugo-Osetii, 1961, vol. III. 821 p.
9. *Tiflisskii listok* [Tiflis sheet]. 1897, no. 147.
10. Steder, L.L. *Dnevnik puteshestviya iz pogrannichnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie*

mestnosti Kavkaza, predprinyatoe v 1781 godu [Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781]. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov* [Ossetians viewed by Russian and foreign travelers]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1967, pp. 27-70.

11. *Tiflisskii listok* [Tiflis sheet]. 1891, no. 140.

12. *Osetinskie legendy* [Ossetian legends]. Ordzhonikidze, Ir, 1989. 498 p.

13. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 19. Inventory 1. Case 8. Folder 13.

14. *Tiflisskii listok* [Tiflis sheet]. 1889, no. 23.

15. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 19. Inventory 1. Case 8. Folder 5.

16. Khadikova, A.Kh. *Etnicheskie obrazy i traditsionnye modeli povedeniya osetin* [Ethnic images and traditional patterns of behavior of Ossetians]. Vladikavkaz, Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy, 2015. 441 p.

17. Kovalevsky, M.M. *Sovremennyyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. V 2-kh t.* [Modern custom and ancient law. Ossetian customary law in historical and comparative coverage. In 2 vols]. Moscow, 1886, Tip. V. Gatsuk. 756 p.